

О судьбе лексики *советский* в постсоветский период: к вопросу об исторической памяти

Крах тоталитарного советского государства привел к уходу в пассивную часть лексического состава всего идеологического ядра русского языка советской эпохи. В разряд лексических архаизмов, помимо слов и выражений, номинирующих реалии советского времени, уходит и лексема ***советский***, обладавшая наибольшей активностью, так как служила атрибутивным характеристикатором всех объектов действительности, относящихся к Стране Советов, к СССР. Современный говорящий пытается избавиться от этого слова даже в тех случаях, когда в силу разных обстоятельств его необходимо использовать в речи в положительном смысле. Так, пишут политические обозреватели, «в выступлении 9 Мая 2007 года на Красной площади Владимир Владимирович Путин умудрился, говоря об очередной годовщине Великой Отечественной войны, ни разу не упомянуть слово «*советский*». В рекомендациях специалистов по языку предлагается прилагательное *советский* в позитивном контексте заменять на *российский* и *отечественный*, говорить и писать не *советский народ*, а *народ нашей страны* и т.д.

Тем не менее, лексема *советский* достаточно частотна в современных СМИ. Причина популярности словоупотребления кроется в особенностях современного состояния российского общества. Сегодня в России переосмысление ценностных установок становится более сложным, поскольку исчерпана энергия разрушения, но не решены принципиальные проблемы общественного и государственного устройства. Проблема создания нового общества напрямую связана с идеей преемственности, с идеей сохранения русской, в том числе советской, культуры, общества и государства. Проблемы исторической памяти как устойчивой системы представлений о прошлом

являются актуальными в современных условиях, поскольку историческая память непосредственно включена в систему современного политического сознания и содержит в себе систему координат в оценке настоящего и будущего, в установлении соотношения прошедшего и настоящего.

При осмыслении советского опыта в истории страны прилагательное *советский* сочетается с широким кругом понятий, существенных для выявления содержания категории советского в массовом сознании. При употреблении слова в речи формируется новое качественно-оценочное значение относительного прилагательного – **«присущий, свойственный советскому времени; такой, как в советское время»**.

Прежде всего, качественное значение проявляется в сочетании прилагательного со словом *прошлое*. Контекстные употребления словосочетания *советское прошлое* позволяют выявить двойственное отношение к советской эпохе. С одной стороны, контексты содержат отрицательную оценку советского времени, например: *тяжелое наследие советского прошлого; тяжкий груз советского прошлого; пережитки тоталитарного советского прошлого*; ироническое отношение к прошлому: *замечательное советское прошлое, из которого мы с такими трудами вырвались*. Контексты с положительной характеристикой **советского прошлого** обусловлены естественным возрастным позитивом людей старшего поколения, вспоминающих свою молодость, которую, к сожалению, уже нельзя вернуть. Ностальгическая идеализация **советского прошлого** создает мифы о прекрасном советском прошлом, *когда работали заводы и фабрики, было больше равенства и справедливости, чем сейчас, люди не боялись ходить по улицам, когда на первое место ставилось общественное признание достижений* и т.д. Ср. ряд высказываний с подобным амбивалентным отношением.

Положительная оценка советского прошлого:

- (1) *Многим молодым людям свойственна некая аллергия на советское прошлое, а между тем это было лучшее время, когда на первое*

место ставилось общественное признание достижений
(Архангельск; 24.05.2007; 90);

(2) *Сейчас принято ругать советское прошлое, но было в нем много хорошего, чего, к сожалению, уже нельзя вернуть* (Биржа + Карьера (Н.Новгород; 23.05.2007; 123);

(3) *На мой взгляд, только глубоко необъективный человек может назвать все советское прошлое «серой жизнью»* (Весть (г. Калуга); 16.02.2007; 049-052);

Отрицательная оценка советского прошлого:

(1) *И забывать о репрессиях, делать вид, что это были всего лишь неприятные моменты советского прошлого, по которому многие до сих пор ностальгируют - я считаю в высшей степени безнравственно.*
(Биробиджанер Штерн (Биробиджан); 30.10.2007; 81 (13895)).

СМИ апеллируют к мнению людей, чьи имена известны в России. Например, интервью с известным писателем-фантастом, автором сценариев «Ночного» и «Дневного дозора» Сергеем Лукьяненко:

Какие символы и ассоциации у вас лично связаны со словом «советский»?

- *Я, наверное, буду отчасти тенденциозен, потому что на советские годы приходятся мои детство и юность. Вот и в воспоминаниях присутствует естественный возрастной позитив: в памяти общее ощущение большей безопасности, спокойствия и гордости. Сейчас, думаю, не найдется такого количества молодых, которые бы так верили в свою страну. Видимо, количество колбасы на прилавках все же не прибавляет такой веры. Впрочем, и дефицит был, и кумовство, и взятки. Но брать их все же боялись, во всяком случае, старались придерживаться каких-то приличий.*

- *Не так давно вещами с советской символикой интересовались только иностранцы на Старом Арбате. Теперь <серпы>, <молоты> и <звезды> - атрибуты российской молодежной моды. Как вы думаете, что это значит? Мы окончательно дистанцировались от прошлого?*

- Отчасти да. Выросло поколение, для которого эта символика перестала нести какую-то идеологическую, негативную нагрузку. Для части молодых серпы с молотами - просто фольклорный элемент из прошлого, когда наша страна была <крутая> и <американцы нас боялись>. А для кого-то тяга к советской атрибутике имеет более глубокие корни. Это признание того, что вместе с водой выплеснули в свое время и младенца. Что, огульно охаивая советское прошлое, мы потеряли много хорошего, например, дружбу народов. Это, на мой взгляд, главная потеря...

- Серп и молот - символы ушедшей эпохи. А какие символы подошли бы нашему времени?

- Боюсь, что это, во-первых, бутылка пива, на которое основательно подсадили молодежь. А во-вторых? Не знаю, какой придумать символ <пофигизму>. Наверное, его может олицетворять что-то вроде кукиша. Вот с этими символами можно было бы побороться. (Волжская правда (Волжский); 17.04.2007; 47-48).

Еще одно авторитетное мнение Михаила Казакова, лауреата международных конкурсов, солиста Большого театра России и Татарского театра им.М.Джалиля:

Горько видеть, как сегодня часть молодежи стремится получить все и сразу, не работая, не прилагая усилий... К счастью, мое поколение воспитано иначе. Не могу забыть, как одна журналистка неприязненно мне бросила: "Что это вы, рассказывая о своем детстве, все время употребляете слово **"советский"**? Впервые встречаю человека, который в наше время так тепло отзывается о советских временах..." - "А почему я должен иначе о них отзываться? - отвечаю. - Меня выучили бесплатно, дали великолепное музыкальное образование - лучшее в мире, что общепризнанно. Живя в Ульяновске, на родине Ленина, я имел возможность видеть и слышать великих певцов, музыкантов, дирижеров, приезжавших к нам. Причем билеты на концерты стоили копейки". - **"Так у вас ностальгия?"** - "Да, - говорю, -

ностальгия по тем отношениям, которые были тогда между людьми. А сейчас, чтобы выжить, надо быть волком... В Москве по-другому просто нельзя. И только когда уезжаешь куда-нибудь подальше от нее, видишь совершенно других людей, ощущаешь, как раньше, душевное тепло, человечность... Так от этого я должен отречься? Да никогда в жизни! (Республика Татарстан (Казань); 08.03.2007; 42-43).

Особое место на данном этапе размытости идеологических смыслов отводится ностальгии по прошлому. Этот противоречивый по своей природе феномен является выражением посттоталитарного переходного периода общества и распространен по всей Восточной Европе (например, «остальгия» — *Ostalgie*, т. е. ностальгия по ГДР на Востоке Германии). В современной действительности отсутствуют четкие идеологические образы новой России, отсутствует культурная матрица, по которой можно строить собственные оценки, вписаться в изменившийся контекст, оставаясь верным себе. Ностальгия оказывается утопией с обратной проекцией: она обращена к месту и ко времени, которых уже нет. И в то же время ностальгия — живой клубок мифов, которые создают чувственный образ ушедшего времени. Ностальгия гармонизирует, эстетизирует прошлое, позволяя достойно расстаться с ним, помогая снять тяжелый комплекс исторической вины. Ее наличие говорит о более развитой системе социальных чувств в противовес идеологической полярности классового деления. В переходные периоды ностальгия выполняет оздоравливающую функцию, так как компенсирует социально-психологические перегрузки социума в условиях нового перехода.

Кроме позитивного отношения к ностальгии, существует и противоположная точка зрения, утверждающая, что ностальгия опасна, так как создает почву для реставрации тоталитаризма. Ностальгия может перерасти в настроение социального реванша, возрождает великодержавные имперские комплексы. См., например:

Любовь Чижова: Законопроект о принудительном лечении наркоманов как будто возвращает россиян в *советское прошлое*. (Радио Свобода - Программы; 02.03.2007 17:13);

Правление Путина запомнилось тоталитарными реформами, возвращающими Россию в *советское прошлое*. (Радио Свобода - Программы; 26.03.2007 20:00).

Современное российское общество опасается современного опозитизированного ностальгического отношения к былому державному величию. Хотя, по мнению политологов и социологов, подобные «призраки» советского прошлого не обладают реальным реставрационным потенциалом, но могут воздействовать на общественную атмосферу нарастающей апатией и аморфностью российского общества [см. об этом: Дубин, 1999; Левада, 2001].

Демонстративная ностальгия может быть и способом критического восприятия современности, когда постсоветская действительность представляется как некая «черная дыра», абсолютный тупик, выбраться из которого не помогут никакие реформаторские усилия. Современные контексты отражают ностальгическое обращение к советскому периоду, подчеркивая положительную эмоционально-экспрессивную составляющую идеологемы «советский»: *Советский патриотизм. Здесь «советский» не носит оттенка уничижительности* (ОРТ, Час пик, 12.02.98). Процессу «окачества» подвергаются конкретные сферы проявления советского: *советские люди, советская школа, советская армия, советский спорт, советские магазины, советская одежда*. Практически все словосочетания в современном российском дискурсе получают амбивалентную (положительную и одновременно отрицательную) характеристику: *советские люди, советская школа, советская армия, советский спорт*.

Тем не менее, есть единицы, которые и в период ностальгии по советскому прошлому всегда имеют пейоративную окраску. Такими являются словосочетания *советские магазины, советская одежда, советский секс*. Рассмотрим эту группу на материале речевых употреблений словосочетания

советские магазины:

- (1) Со стороны это напоминало очередь в **советский магазин** за вино-водочной продукцией: в давке кричали, толкались и пытались уберечь дорогостоящую аппаратуру (Амурская правда (Благовещенск); 08.02.2007);
- (2) Говорят, после елок к Деду Морозу выстраивались длиннющие очереди, как в **советских магазинах** за колбасой (Новые известия; 28.12.2007; 238);
- (3) Люди постарше хорошо помнят ужасы советских магазинов. Уже много лет живем при капитализме, а насколько живучи проявления советской системы обслуживания населения! Вот примеры, увиденные собственными глазами. Банк, выдающий компенсации по вкладам, замороженным в 1991 году. Пожилых людей обслуживает всего одно окно. Около него **огромная очередь**. Люди стоят в ней по полтора-два часа. У других окошек очереди нет. Но никто не догадается сделать выдачу компенсаций хотя бы еще в одном месте. Другой пример. Пункт приема коммунальных платежей в одном из домоуправлений Пролетарского района. **Очередь**. Мужчина в возрасте, расплачиваясь, подает девушке тысячную купюру. Та заявляет, что нет сдачи, и деньги не берет. Предлагает ветерану пойти и разменять. Тот отказывается. Перепалка. Милостивая девушка переходит на грубости. Возмущенный мужчина уходит ни с чем. Очередь безмолвствует. Супермаркет в Заволжье, открытый меньше года назад. Поначалу было все здорово: цены ниже, чем в соседнем супермаркете, выбор товаров приличный. Повалил народ. Постепенно порядка становилось меньше. Появились **черты советского магазина**. Ячейки, куда запираются на хранение сумки, поломаны или дверки без ключей. К оставшимся исправным ячейкам **очередь**. Корзин для складывания покупок не хватает, за ними тоже очередь. Не хватает касс, и не все они работают – очередь и здесь (Амурский Меридиан (Хабаровск); 07.02.2007; 6 (386)).

Самой яркой приметой советского магазина является *очередь*. Рассмотрим подробнее данную лексему. Сначала приведем в качестве типичной современной реплики следующее метавысказывание: *Я так счастлива, что сейчас нет такого слова, как очередь* (А. Маринина, АСВ, День за днем, 28.08.01). Коммуниканты в ходе диалога понимают, что речь идет о *советской очереди*. Лексема *очередь* в современном русском языке имеет значение: «люди, расположившиеся один за другим для получения или совершения чего-н. в последовательном порядке» [Словарь С.И.Ожегова, Н.Ю.Шведовой 1999, 487]. Кроме этого понимания слова, в языковом сознании бывшего советского человека существуют отдельные признаки, сформированные в эпоху всеобщего дефицита, у советских людей было свое обиходное определение *очереди*. Для советского времени очередь была существенным элементом повседневной жизни. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров в своей работе проводят анализ данного концепта с опорой на методику речеповеденческих тактик [см.: Верещагин, Костомаров, 1999, 51—64]. Авторы утверждают, что исчисление тактик проводится диахронически, так как этот концептуальный слой перешел в область «лингвострановедческой археологии» [Там же, 4]. Концептуальная структура советской очереди включала существенный компонент — «количество людей в очереди», который определял наличие второго компонента — «время, проведенное в очереди». Целевая установка нахождения человека в очереди в советское время тоже имела свою специфику, которая обуславливала особенности речеповеденческих тактик.

Обратимся к синхронному снимку очереди, которая бытовала в Советском Союзе в 1980—1990-е годы, сделанному авторами указанной выше работы. Если вдоль прилавка выстраивалось человек десять, то это не считалось очередью. В таком случае домашняя хозяйка бежала к телефону-автомату и сообщала соседке: *Сырки выбросили! Подходи, пока нет очереди. Набегут!* Перед нами имплицитный отказ назвать малую группу очередью. Точное количество человек в составе очереди определить трудно. Все зависело

от того, за каким товаром человек занимал очередь. За продуктами питания «положено» стоять меньшее время, чем за промышленным дефицитом. Если 20 человек стоит за мясом, то это *уже очередь*, а если за импортной обувью — это *еще не очередь*. Настоящая очередь начинается тогда, когда время, проведенное в очереди, достигает примерно полчаса. Если люди стояли весь день или занимали очередь с вечера, то тогда говорили: *Сколько народу!; Вот это очередь так очередь!* Про небольшую очередь говорили: *Ну какая это очередь!; Разве это очередь?*

Очередь-масса преследовала две стратегические цели. Первая состояла в том, чтобы в условиях дефицита товара «всем *досталось*». Вторая цель — чтобы каждый очередник добрался до прилавка как можно скорее. Эти стратегии подразделяются на ряд тактик, как индивидуальных, так и коллективных. Чем больше времени проведено в очереди, тем более сглаживались индивидуальные различия. Приведем в качестве иллюстрации только коллективные тактики поведения в массе:

— Требование никого не пропускать без очереди:

В очередь (в конец, в хвост) становитесь!; Граждане, не пропускайте перед собой!; Нет, Вы здесь не стояли!; Не занимайте на других!; Вы уже второго человека перед собой пропускаете!; Покажите удостоверение!; Ты смотри, как лезет!; Знаем мы, какие вы ветераны!; Не надо было отходить!; Ничего не знаем!; Только после меня!

— Требование соблюдать норму отпуска товаров:

По два кило в руки!; По одной паре на нос!; Не набирайте по столько!; Вы уже в третий раз подходите!; Я вас давно заметила!

— Требование ускорить движение очереди:

Тару, тару готовьте заранее!; Скорее подходите!; Старайтесь без сдачи!; Чего ковыряетесь!; Нечего выбирать! Не хотите брать, отходите!; Быстрее, быстрее, скоро перерыв!

— Желание устроиться в очереди покомфортнее:

Во напирают!; Что вы давитесь! Ребенка задавите!; Вы меня совсем к

стенке прижали!; Не наваливайтесь!; Вы меня все время в спину тычете!; Я не виноват: сзади напирают; Ой, ребра ломаете!

— Обмен тематической информацией:

Говорят, завоз большой!; Уже кончилось!; Подождите, может, еще выбросят!; Говорят, остались только маленькие размеры!; Там, за углом талоны на сахар отоваривают! И народу нет!

Данные речения помогают воссоздать ту социально-культурную ситуацию, которая определяла специфику советской очереди: очередь уподобляется живому существу, у которого возникает самостоятельная, целеустремленная и самодвижущаяся душа. Очередь защищает себя от тех, кто *проходит/пролезает* без очереди; очередь проявляет свой коллективизм, дорожит временем; в очереди стоять всегда дискомфортно; очередь – это место, где между очередниками возникают личные отношения, происходит обмен информацией, формируется общественное мнение. Непременным атрибутом очередей были склоки и стычки, которые возникали, когда коллективные и индивидуальные тактики приходили в противоречие.

Советское время порождало разные типы очередей: *живая, по списку, по талонам, в кассу, к прилавку, продовольственная, промтоварная, винная*. При этом поведение стоящих в разных очередях отличалось друг от друга. Таковы эскизно намеченные контуры жизненно важного концепта советского времени — *очереди*, обиходное значение которой забывается, особенно для молодых людей, не знающих, что такое дефицит и пустые полки магазинов, но остается в памяти старшего поколения, которое не испытывает ностальгии по данной советской реалии.

Можно отметить словосочетания с лексемой *советский*, имеющие в современном контексте только положительную оценку. Российское общество в период кардинальной ломки политической системы, к сожалению, утратило многие достижения, которые объективно сформировались в период советской власти и были известны всему миру. Эти направления в различных областях деятельности обычно называются *школой*. В данном вторичном значении

лексемы *школа* словосочетание *советская школа* оценивается обычно положительно. Ср. подобные словосочетания: *Великая советская школа поэтического перевода; представители советской школы бокса; и теперь советская школа кораблестроения в немалом авторитете у индусов; советская школа одиночного фигурного катания; на Западе композиторы советской школы ценятся*. Говорящими обычно подчеркивается утрата достигнутого в советское время в современный период истории: *прекрасная советская школа подготовки пилотов практически разрушена; некогда непобедимая советская школа хоккея нынче только мечтает о месте на пьедестале*.

Постоянная сопоставительная оценка советского и постсоветского времени типична для переходного периода современной России. Она спровоцирована концептуальным напряжением, возникающим при перестройке мировоззренческих ценностных установок, переходным, нестабильным состоянием человеческого сознания постсоветского человека. Современная речевая реальность регистрирует эти попытки перестройки сознания в виде оценочных суждений и окачества лексемы *советский*, появления у слова нового вторичного значения. Наличие развитой системы качественных характеристик в противовес идеологической полярности антитоталитарных установок в период перестройки в определенной мере гармонизирует прошлое, компенсируя социально-психологические перегрузки социума в условиях нового перехода. Людям, чья социализация произошла в рамках прежней общественной системы, почти невозможно полностью приспособиться к новой жизни, принять и освоить ее ценности.

Литература:

Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. М., 1999.

Дубин Б. Жизнь по привычке: быть пожилым в России 90-х годов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1999. № 6. С. 18—27.

Левада Ю. Координаты человека: К итогам изучения «человека советского» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2001. № 1. С. 7—15.